

2. Выписка из письма Г. Лангсдорфа к академику Крафту о Камчатке // Технологический журнал. Т. II. Ч. II. С. 157–159.
3. *Langsdorff G. H. Voyages and Travels in various parts of the world, during the years 1803, 1804, 1805, 1806 and 1807.* London, 1813–1814.
4. *Комиссаров Б. Н., Шафрановская Т. К.* Неизвестная рукопись академика Г. И. Лангсдорфа о Камчатке. К 200-летию со дня рождения ученого // Страны и народы Востока. Вып. XVII : Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 3. М., 1975. С. 97–118.
5. *Комиссаров Б. Н.* Роль Г. И. Лангсдорфа в становлении Петропавловска как столицы Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2000.
6. ПСЗРИ. Т. XXXII. СПб., 1830. С. 282–292.

Н. А. Татаренкова ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТОПОНИМОВ КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ

Основная часть современных топонимов сформировалась в конце XIX в., более ранние нововведения и поздние дополнения были незначительными. Карт с изображением Командорских островов первой половины XIX в. сохранилось немного. В настоящей публикации проводится анализ только двух из них: «Плоская карта части о-ва Беринга 1827» сочинения лейтенанта Завалишина (38) и «План гавани и бухты при острове Медном», сочиненная во время плавания на боте «Сивуч» мореходом Андреем Ингестромом (40), остальные менее информативны. Начиная с середины XIX в. появляются более качественные, постоянно уточняющиеся, детализированные карты островов с указанием высот и промерами глубин. Значительный вклад в развитие картографии внес бывший главный правитель Русской Америки (1845–1850 гг.) капитан 1-го ранга Михаил Дмитриевич Тебеньков (27, с. 524), организовавший в годы своего правления несколько исследовательских экспедиций. В 1852 г. на базе многолетних гидрографических исследований им был составлен знаменитый «Атлас северо-западных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриентес и островов Алеутских. С присовокуплением некоторых мест северо-восточного берега Азии».

Многие исследователи и государственные чиновники конца XIX в. пользовались картами Зандмана. Являясь агентом торгового дома «Гутчинсон, Кооль, Филиппеус и К^о» и капитаном ходившего под российским флагом парохода «Александр II» (корабль находился в собственности Компании) (21, с. 10, 538), гражданин Соединенных Штатов Иван Зандман (Sandmann) сам лично проводил астрономическую съемку координат о. Медного, в то время как большая часть директивных точек для о. Беринга была определена ранее служащими Российско-Американской компании (3, с. 96). Анализ очертаний береговой линии о. Беринга дает основание утверждать, что в основу карты Зандмана легли промеры из «Атласа...» Тебенькова, хотя контуры не идентичны. Иван Зандман составил всего две карты Командор: одну – меньшего масштаба, включающую оба острова, и другую – большего, только для о. Медного. Обе карты он охотно давал копировать. Первую копию снял мичман клипера «Стрелок» Н. Н. Беклемишев, увеличив ее таким образом, что английский дюйм стал равен 5 верстам, и добавив некоторые подробности, которые сообщил ему управляющий Командорскими островами Н.А. Гребницкий. Карта была опубликована в «Сборнике Главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью» 1882 г. (48). Вторую копию сняли офицеры клипера «Вестник», третью – крейсера «Африка». На базе карты Зандмана составлял свои отчеты доктор Бенедикт Дыбовский – еще одна дополненная версия приведена в его монографии «Wyspy Komandorskie» 1885 г. (3). Дыбовский стал первым исследователем, посвятившим топонимике отдельный раздел своего доклада. Существенные уточнения береговой линии сделал Леонард Стейнегер, его перу также принадлежит нанесение на карту целого ряда топонимов (5; 6, plate IV, V). Первая публикация Стейнегера вышла в 1885 г., одновременно с докладом Дыбовского. Трудясь автономно, они являлись скорее оппонентами, нежели соратниками. Тем ценнее высокий уровень соответствий на составленных независимо друг от друга картах.

Некоторые интересные дополнения внес на карту Стейнегера изучавший в 1903 г. геологические формации островов Юзеф Морозевич. К сожалению, в настоящий момент в нашем распоряжении имеется лишь одна читаемая карта – о. Беринга (2), а также несколько страниц из монографии «Komandory. Studium geograficzno-przyrodnicze» 1925 г. выпуска. В Архиве Военно-Морского флота хранится несколько карт конца XIX – начала XX в. Наибольший интерес представляют «Карта Ко-

мандорских островов» 1895 г. (берег и рифы взяты с карты издания 1883 г., а глубины – по промеру, произведенному крейсером «Забияка» и транспортом «Якут» в 1893 г.) (41) и «Командорские острова» 1914 г. (составлена в 1898 г. по морской съемке крейсера «Забияка» в 1894 г.) (42). Последняя малоотличима от современных. Довольно точные карты использовали Е. К. Суворов (52) и В. К. Арсеньев (11), они практически идентичны. В настоящее время на Командорских островах пользуются главным образом километровыми картами Генштаба, составленными на базе съемки 1951 г. и обновленными в 1986 г. (система координат 1942 г., издание 1988 г.).

Анализ бытовавших в различное время топонимов и мотиваций нанесения их на карту позволяют отследить как некоторые исторические приоритеты, так и особенности природопользования на островах. Настоящая публикация не ставит своей задачей охватить все существовавшие и существующие на сегодняшний момент названия. Речь пойдет, скорее, о выявлении основных тенденций и попытке воссоздать общую историческую картину.

В период Российско-Американской компании на картах появились названия, посвященные членам команды Второй Камчатской экспедиции: м. Юшин, м. Ваксель, м. Хитров (он же Толстый). При этом размещение объектов носит спонтанный, чисто символический характер и никак не связано с особенностями освоения острова в 1741–1742 гг. К примеру, из дневников Стеллера следует, что м. Вакселя открыл Юшин, а к м. Юшина ходил Алексей Иванов (51, с. 125, 195, 196). Остальные топонимы середины XIX в. отражают в основном геофизические особенности местности (Риф, Северо-Западный, Перешеек, камень Подводный, камень Половинчатый) или характер эксплуатации (Камень Арий (Сивучий), Топорков, Дровяная, Старая Гавань).

Несколько географических объектов утратили былые названия. Так, бух. Дровяная стала называться Перегребной, появлением нового топонима остров обязан публикации Гребницкого (1882). На ранних картах оз. Саранное обозначено как оз. Федосьи (30, с. 77; 41). Примечательно, что бухта Саранная упоминается еще в 1834 г. в записках Иакова Нецветова (7, р. 36). В окрестностях озера в достаточном количестве произрастает рябчик камчатский, или саранка (*Fritillaria camschatcensis*), клубни которого использовались населением в пищу. Если учесть, что изобилующее рыбой озеро было обнаружено еще в 1745 г. казаком Расторгуевым, логично предположить, что имелись и другие названия. В то же время топоним «Саранное» был очень распространен на территории Русской Америки: островок у берегов Аляски, бухты на о-вах Акутан, Атка (1, р. 590), Атту (45, с. 167, 251, 263).

Также хочется упомянуть о двух утраченных названиях «Плана гавани и бухты при острове Медном» (40), составленный мореходом бота «Сивуч» Ингестромом. Штурман Андрей Иванович Ингестром посещал Командорские острова в начале лета 1830 г., подробнее поход описан в «Записках» священника Иакова Нецветова (7, р. 34–40; 55, с. 69). На плане изображена Преображенская гавань: группа скал перед входом в бухту подписаны «Брек ватер», а протекающая через селение речка (совр. р. Гаванская) – «ручей Стикс». Очевидно, столь экзотическое название дали реке не жители селища, среди которых подавляющее большинство составляли вывезенные недавно с о. Атту алеуты, и не их начальник – иркутский мещанин Иван Курмачев, а некто на судне. Дело в том, что по левому борту речушки располагалось селение, по правому – кладбище. Таким образом, чтобы попасть в «царство мертвых», было достаточно перейти ручей. Больше этот топоним не встречается нигде, а название Брек ватер со временем перешло в разряд нарицательных.

Проведенный анализ более поздних топонимов показал, что подавляющее большинство было впервые нанесено на карту о. Медного управляющим Командорскими островами Николаем Гребницким (1882), в то время как на карту о. Беринга – окружным врачом Бенедиктом Дыбовским (1885). Одновременно с Дыбовским некоторые топонимы опубликовал в публицистической статье «Под парусом вокруг острова Беринга» Леонард Стейнегер (5). Примечательно, что оба автора впервые использовали не только русские, но и алеутские названия, но лишь один из них – Б. Дыбовский – посвятил топонимике отдельный раздел своей монографии.

Учитывая исследовательскую скрупулезность обоих приезжих ученых, работавших не столько с чиновниками, сколько с алеутским населением, а также высокий уровень соответствия опубликованным ранее данным управляющего, можно сделать вывод, что большая часть приведенных топонимов, действительно, бытовала на островах в указанный период и не была сочинена искусственно. В то же время малый процент алеутских слов может свидетельствовать либо об укorenившейся традиции (первые переселенцы были русские), либо, что более вероятно, о существовании множественных параллельных обозначений на русском и алеутском языках. Такой разброс является нормальным и ожидаемым для недавно освоенной территории: первая группа алеутов была завезена на Командоры всего лишь за 60 лет до составления рассматриваемых карт (около 1823 г.).

Ранее на островах робинзонили различные артели русских промышленников. Однозначное доминирование русскоязычных версий обусловлено также и тем, что с первых дней заселения официальным языком являлся русский (8).

К сожалению, в ряде случаев сопоставление географического расположения рассматриваемых объектов было затруднено существенными неточностями в изображении береговых линий. Гребницкий и Дыбовский пользовались картой капитана Зандмана, переснятой и дополненной мичманом Беклемишевым. Стейнегер внес значительные топографические уточнения, но зачастую и этого было недостаточно. Поэтому при рассмотрении редкопосещаемых и труднопроходимых участков речь пойдет не о полном соответствии современным топонимам, а о просматривающейся тенденции, где в роли географической привязки выступают не координаты, а порядок чередования бухт или мысов.

Островные топонимы можно условно разделить на 5 групп:

- 1) отражающие географические и геоморфологические особенности местности;
- 2) указывающие массовые скопления того или иного биологического объекта;
- 3) исторические посвящения;
- 4) обозначающие промысловые участки или место сезонного проживания промысловой семьи;
- 5) названия, отражающие особенности эксплуатации природных ресурсов, а также связанные с конкретными событиями, легендами или несущие некий прикладной смысл.

К первой группе будут относиться многочисленные Песчанки (на алеутский манер – Писаных) и Непропуски, имеющиеся на обоих островах. Песчанками (Песчаными) обычно называли песчаные бухты и впадающие в них речки (ручьи). Непропусками – безымянные мысы, венчающие непроходимые или труднопроходимые участки скалистого берега. К этой же категории следует отнести мысы: Тонкий, Толстый, Островной, Северо-Западный, Юго-Восточный; бухты: Большая, Тундровая (Тундряная), Столбовая, Озерная и т. д. Не перечисляя все, остановимся на некоторых наиболее интересных.

Две сопки северной части о. Беринга, долгое время служившие морякам неизменным ориентиром, известны сегодня как Столовые горы. Но в прежние годы они ассоциировались с лодками: «... среди тундры поднимаются две группы оригинально сложенных невысоких гор, именуемых “Лодками”, действительно напоминающих очертаниями опрокинутые лодки. Три более восточных Лодки, часто называемые Сарановскими, несколько выше, зато две Северновские Лодки обладают столь правильными очертаниями, что представляют типичные Столовые горы» (52, с. 84). («Сарановскими Лодками» Суворов называет современные Свиные горы). В качестве самостоятельного топонима географическое понятие «Столовые горы» было впервые использовано в монографии Дыбовского (3, с. 103). Одновременно с этим автор упоминает местное название – «Байдарь».

Расположенная неподалеку менее высокая плоская соп. Наковальня, вероятнее всего, получила свое название еще в период Российско-Американской компании (РАК). В пользу этой версии говорит наличие ее «тезки» на карте о. Атка (Алеутские о-ва) – там до сих пор сохранилось русское название «Naakuvalinax'» (1, р. 627).

К категории ассоциативных также будет отнесен м. Палата на о. Медном: согласно трактовке Дыбовского, мыс получил свое название благодаря тому, что близлежащие сопки по форме напоминают шатры.

Название одного из мысков на о. Беринга произошло от слова «кондерок» – так, по свидетельству местного жителя Г. М. Яковлева, на Командорах называли козырек у кепки. Действительно, в словаре Даля наряду с прочими приводится следующее толкование: «кондырь» (кур., арх.) – козырек у фуражки» (28, с. 151). Более точную и любопытную трактовку мы находим у Дыбовского: «На голову, на капюшон камлеи, алеут надевает тонкий, вырезанный из дерева козырек, украшенный перьями и усами морских львов, он защищает глаза от солнца, волн и дождя. Козырек по-алеутски называется “таныйкйугх” или “чахуха”, русские его называют “кандырок”» (3, с. 103). Таким образом, на Командорах «кондерком» называли алеутские открытые деревянные шапки, именно это значение имеет слово «chagudax'» (1, р. 126).

Бухта Полуденная приобрела название благодаря простирившемуся неподалеку некогда многочисленному лежбищу морских котиков. Просуществовавшее до конца XIX в. лежбище называлось Полуденным, или Южным (5, р. 237) – в противовес Северному, расположенному окрест мыса Юшина. Слово «полуденный» – не что иное, как устаревший синоним понятия «южный», оно

нередко встречалось в отчетах о походах первых промысловых партий второй половины XVIII в. и сохранилось в некоторых языках славянской группы, в частности, польском.

Как указывалось выше, на картах Стейнегера и Дыбовского встречаются топонимы, имеющие алеутские корни. Один из них – Чигачиганах (Tchigatchiganakh) (5, map). На современных картах бухта обозначена как Непропускная, у Дыбовского – Нерпичная. Местные жители, как правило, называют ее по имени впадающей речки – Кислая Капуста: в этом месте на берегу моря часто скапливается гниющая («кислая») морская капуста. «Чиг'анакх'» (24, с. 146) переводится как «речка, ручей, протока». Местная жительница В. Т. Тимошенко, одна из немногих носителей алеутского языка, трактует слово как «бурная речка, во что-то впадающая» (устное сообщение В. Т. Тимошенко, 2011 г.). Стоит отметить, что близкие топонимы встречаются и на других островах бывшего Атхинского отдела РАК: бух. Chig'anagix' на о. Атка и Chig'anax'six' – на о. Атту (1, р. 138).

На картах Стейнегера, а вслед за ним и Морозевича (2 со ссылкой на Morozewicz J. Komandory – Warszawa, 1901 и Morozewicz J. Z Wysp Komandorskich – Warszawa, 1903). появляется еще один алеутский топоним – бухта Ханна-Эта (Hanna-Eta). Современное обозначение бухты – Озерная, под этим же названием она фигурирует у Дыбовского (Oziernaja). «Ханна-Эта», а точнее «'аним удаа», дословно переводится как «озерная бухта» (пер. и транскрип. Е. В. Головки, 2011 г.). Такую же трактовку – «бухта с внутренним озером» (Bucht mit Insee) – дает сам Стейнегер (5, р. 255).

В бух. Сладкую, расположенную севернее м. Пасенюк (совр.), ранее называемого м. Сладным (1882, 1885), а затем м. Водопадским (1912), впадает речка с водопадом. У Дыбовского она обозначена как «wodospad Igidhuch» (3, с. 105). Слово «игидгух'» (24, с. 47) переводится с алеутского как «водопад». Интересно, что близкое по звучанию слово «идигах'» (24, с. 49) переводится как «сладость». Не исключено, что происхождение топонима «Сладной» связано с неверным переводом алеутского слова.

Бухта Ореховая не связана с орешником – Дыбовский пишет, что берег покрывают мелкие, похожие на орехи камешки. Топоним впервые встречается на карте Гребницкого (м. Ореховый).

Во вторую группу войдут различные бухты, мысы и островки, содержащие названия животных: Бобровые, Нерпичьи, Секачинные, Сивучинные, а также Гольцовки, Урильи, Орловые, Глупышинные, Арьи, Говорущечьи, Старичковские и т. д. Бобрами на островах называли морских выдр, или каланов; секач – это взрослый, имеющий собственный гарем, самец морского котика; «урилами» до сих пор называют бакланов, «арами» – кайр; говоря «орел» подразумевают гнездившихся в прежние годы белоголовых орланов; также обычным и многочисленным был ранее старик обыкновенный.

К этой же группе мы отнесем бух. Мяконькую, названную благодаря обилию в весенние месяцы рыбы-прилипалы – разновидности пинагора (*Aptocyclus ventricosus*). Несколько смущает, что название появилось относительно недавно, прежде бух. называлась Мясниковской (1885).

Старое название одного из участков бухты Большой на о. Беринга – бухта Каюрская (Kajurskaja). Согласно трактовке Дыбовского оно произошло «от птицы, называемой каюрка *Uria columba*, гнездящейся на прибрежных скалах» (3, с. 99) (совр. чистик тихоокеанский, *Cephus columba kaiurka*). Другое значение слова – проводник при езде на собачьих упряжках. По о. Беринга передвигались главным образом на упряжках, и самым большим оскорблением было назвать алеута «неграмотным каюром» (12). Название бухты не связано с каюром-погонщиком, а вот птицы – да: «свищут оне как извошки» (31, с. 334). У слова есть и третье значение. Так в XIX в. называли низшую бесправную категорию работников РАК: калгов (рабов), а позднее – лиц, совершивших проступки (45, с. 116). В алеутском языке также есть слово «kayulax'» (1, р. 235), обозначающее работника РАК.

На острове имеется еще один близкий по звучанию топоним – бухта Каюльская (близ мыса Катерного, южнее б. Гладковской). Название могло явиться результатом неправильного написания слова «каюр», но более вероятно, это производная алеутского «кайулах'» (см. ниже). С птицами участок едва ли связан – по своим геоморфологическим признакам берег малоприспособлен для гнездования тихоокеанского чистика (устное сообщение Ю. Б. Артюхина, 2013).

Если все прочие названия достаточно романтичны, то м. Сихтын Яры близ бух. Жировой (о. Медный) подчеркивает одну не слишком приятную особенность птичьего базара. Медновскому «сихтис» соответствует беринговского «ситхис» и подразумевает любые экскременты, а также птичье гуано. На медновском диалекте словосочетание звучит «сихтин'йааг'ии» («Дерьмовый мыс», пер. и транскрип. Е. В. Головки, 2013 г.). Действительно, скалы мыса белы от птичьего помета. Параллельно с алеутским бытовало русскоязычное название – м. Говенный (у Морозевича – Gawnawoj).

На о. Беринга словом Шутхину (Ситхину) по сей день обозначают один из рыболовных участков в долине Гаванского озера (см. ниже).

Название бух. Таблужанка (ранее также записывалась как Таволжанкина, Тавалажанка, Таблужанка), по мнению Дыбовского, произошло от слова «таволга». Таволгой, или лабазником, называют растение семейства Розоцветных, в нашем случае полутораметровую *Filipendula camtschatica*. Правда, остается загадкой, почему Дыбовский относил растение к кустарникам (в то же время указание латинского названия рода – *Spirea* – не оставляет сомнений, что речь идет именно о лабазнике) (3, с. 9, 15, 98).

К третьей группе будут относиться в первую очередь топонимы, связанные с историей Второй Камчатской экспедиции. Как было сказано выше, названия мысов Вакселя и Юшина (а также м. Хитрово, ныне Толстого) появились на картах еще в период Российско-Американской компании, в то время как бух. Командорская и м. Командор – в 1885 г. и 1882 г. соответственно (прежде участок назывался бух. Беринга, или просто символично отмечалось место крушения и захоронения). Но ни один не был посвящен главному исследователю острова, Георгу Вильгельму Стеллеру. Это упущение с лихвой исправил в конце XIX в. Леонард Стейнегер. Будучи страстным поклонником немецкого натуралиста, Стейнегер наградил именем Стеллера не только самую высокую гору о. Беринга, но также природную арку и даже одну из рек.

Всем, кто посещал о. Беринга, известна протекающая близ с. Никольского р. Гаванская (Гаванка). Это самая полноводная река Командорских островов, впадающая в наиболее удобную для захода судов бухту. Впервые топоним «Гаванская» встречается в отчете о походе 1772–1778 гг. бота «Св. Архангел Михаил» компании Холодилова (10) (прежде речка могла называться так же, как и гавань – Басовской, а затем Низовцева). Однако спустя сто лет, Гаванка чуть не лишилась своего привычного имени – Стейнегер (6, р. 38), вслед за ним Суворов (52, с. 86) и даже уроженец о. Медного Хабаров (56, с. 15) называли речку Стеллеровской. Несмотря на приложенные усилия, новый топоним не прижился.

Огибая в 1882 г. о. Беринга на парусной лодке, Стейнегер много рассуждал о невзгодах, выпавших на долю российских мореплавателей. Но больше всего его волновала судьба Георга Стеллера – он не раз представлял себя на месте отважного путешественника. Именно в эти дни исследователя осенила мысль увековечить имя своего кумира. С тех пор самая высокая вершина острова называется горой Стеллера (5, р. 237; 6, р. 37), а самое живописное место, природная арка – Триумфальной Аркой Стеллера (Steller's Triumphbogen (5, р. 226; 6, р. 42)), сегодня просто Аркой Стеллера. Примечательно, что оба объекта не были в полном смысле безымянными. Старое название арки – штаны Тетеринова (26, с. 40): унтер-офицер Тетерин (25, с. 5, 101; 6, р. 90) исполнял должность надзирателя в период межвластия 1868–1871 гг. и был единственным государственным чиновником, препятствовавшим разграблению котиковых лежбищ (со временем старое название трансформировалось в «Тетерины штаны»). В советское время богатая фантазия жителей «женила» Штаны на г. Беглецов. Горой Беглецов, или Чунооголохта, раньше называли г. Стеллера (см. ниже).

Со временем на карте появилось имя самого Стейнегера – сегодня так называется вторая по высоте вершина о. Медного (предполагалось назвать самую высокую, но впоследствии оказалось, что соседняя на 14 м выше).

Мыс Манати получил свое название еще в 1742 г. в честь теперь уже вымершей морской коровы: «...а отъ южнаго мыса, который от насъ названъ капъ Манатъ, то есть морских коров» (36, с. 28), – писал в своем журнале Софрон Хитрово. Морская корова (*Hydrodamalis gigas*) была отнесена Георгом Стеллером к роду *Manates* (ламантины) (слово сохранилось в видовом названии ламантина американского – *Trichechus manatus*), по этой причине члены команды называли животных манатами: «Мы ежедневно могли наблюдать, как прямо против места нашей стоянки в море ходили довольно большие косяки морских коров или манатов» (18, с. 487). (Среди латинских названий вида, более известного *Rhytina borealis*, приводился также *Manatus Stelleri* (19)). Название южной оконечности острова оказалось настолько экзотичным, что было не понятно не только алеутскому населению, но даже некоторым именитым ученым. Поэтому наряду с официальным бытовали местные. Вот что писал по этому поводу Е. К. Суворов (52, с. 82): «Название этого мыса – Манати – совершенно непонятно; такого алеутского слова не существует. Быть может, въ этомъ названіи слѣдуетъ видѣть искаженное выражение: Танамъ ангта – конецъ земли; сами алеуты называютъ его Танамъ кгеганга». Дыбовский повторяет алеутскую транскрипцию «танам-анг-та» – «конец земли» (3, с. 99) как один из вариантов. «Танамъ» переводится как «земля, суша, остров», «анг'таа» – конец

чего-либо, таким образом, словосочетание могло звучать как «танам ан'таа» (24, с. 119, 33; пер. и транскрип. Е. В. Головки, 2013 г.). Упомянутое Суворовым «танам к'ин'анаа» можно перевести как «холодная земля» (пер. и транскрип. Е. В. Головки, 2011 г.). Четвертое название – м. Сточной – приводится у Стейнегера с единственным пояснением: «так местные жители называют обозначенный на карте Кап Манати» (5, р. 251).

Северо-Западный мыс о. Медного был переименован в м. Сулковского в конце XIX в. На карте, прилагающейся к отчету 1893 г. (43) указано старое название; на карте 1895 г. (41) присутствуют оба; на карте 1914 г. (42) – только м. Сулковского. Впрочем, это мало о чем говорит, так как старое название бытует до сих пор, его в свое время приводили и Стейнегер (1896), и Суворов (1912) и даже И. И. Барабаш-Никифоров (1934) (13, с. 92). В то же время А. И. Черский (1919) (57, с. 66) указывает м. Сулковского. Единственный Сулковский, чье имя связано с Командорами, – чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Главного управления Восточной Сибири П. Г. Сулковский, ходивший на клипере «Стрелок» в 1881–1882 гг. в Ледовитый океан и на Командорские острова. Поход в Ледовитый океан был связан с поисками оказавшейся в ледовом плену американской яхты «Жаннетта» экспедиции Д. У. Де-Лонга (поиски успехом не увенчались).

Вероятно, десятилетием позже получил свое название один из кекуров близ м. Жирового на о. Медном – Камень Ваксмута. Коллежский асессор Николай Сергеевич служил помощником начальника Командорской округи в 1896 и 1897 гг. (22, Д. 24. Л. 219об.–220; Д. 25. Л. 316об.–317, 234) (возможно, и больше).

Топоним «гора Крепса» фигурирует только на карте Дыбовского, и очень жаль. Торговый агент компании «Гутчинсон Кооль и К°» господин Кребс (немец) (25, фото к с. 48) вместе со своей супругой (креолкой) внес значительный вклад в повышение образования алеутов и овладение ими ремеслами. В частности, он успешно выучил нескольких местных жителей столярному и токарному мастерству. «В честь этого скромного труженика» Дыбовский назвал гору, расположенную севернее поселка (3, с. 53, 102, 103) (совр. г. Галечная).

Мыс Гаупта (Китовый) связан с именем Николая Александровича Гаупта (46), командира канонерской лодки «Отважный» (1890–1893) и крейсера «Забияка» (1894). В 1894 г. под руководством Гаупта была выполнена съемка северо-западной части о. Беринга, методом шлюпочного промера обследован Никольский рейд и акватория севернее и западнее о. Топорка, а также составлен глазомерный план котикового лежбища (29). Мыс впервые назван именем Гаупта на «Карте северозпадной части о-ва Беринга» 1896 г. выпуска (39). Впрочем, в обиходе мыс и по сей день чаще называют Китовым, в то же время на карте Суворова (1912) указан еще один топоним – Ворота.

По соседству с м. Гаупта, несколько севернее, расположен м. Забияка. Парусно-винтовой крейсер II ранга «Забияка», спущенный на воду в 1878 г., в 1890-х охранял территориальные воды в северо-западной части Тихого океана и погиб под огнем японской артиллерии в Порт-Артуре 12 октября 1904 г. Топоним впервые встречается на той же карте 1896 г. Прежде мыс называли Хехсага (Дыбовский) или просто Непропуском (Стейнегер, Суворов). В алеутском языке есть два близкие по звучанию слова: «'ихсхал» (пер. и транскрип. Е. В. Головки, 2011 г.) – что значит горелый и «чхас'аг'их'» (chax'sag'ix) (32, с. 65; 1, р. 127 со ссылкой на Меновщикова – слово зафиксировано только для о. Беринга, больше его никто не отмечал) – риф, обнажающийся во время отлива, мелководье. Фонетический ряд первого ближе к транскрипции, указанной Дыбовским. В то же время, смысловая нагрузка не исключает возможности второго варианта, правда, с оговоркой, что топоним мог относиться не только к м. Забияка, но и расположенному по соседству м. Гаупта. (Это не является противоречием, так как дробной разбивки могло попросту не существовать: к примеру, сегодня жители не произносят «мыс Гаупта» или «мыс Забияка» – весь этот участок обозначают одним словом «Китовая», нечто подобное могло иметь место и ранее). Дело в том, что мыски расположены рядом и очень популярны у местного населения: риф м. Гаупта – плоский, легкодоступный, «удобно» обнажающийся, безопасный даже для младенца; риф м. Забияка – более каменистый, при этом оба изобилуют морскими гидробионтами. Сегодня это основное место сбора мидий, изредка можно найти даже морских ежей. В прежние годы видовое разнообразие и обилие было значительно выше, а объектов сбора было несколько. «Китовый риф» не менее привлекателен, чем риф близ села, это могло найти отражение в устной топонимике.

В 1986 г. на карту о. Беринга южнее бух. Старой Сладной был нанесен м. Пасенок в честь писателя и публициста Леонида Михайловича Пасенюка. Леонид Михайлович посвятил Командорам много лет своего творчества, это автор книг: «Берег скупого солнца», «В одиночку на острове Беринга», «Командоры мои и твои», «Иду по Командорам» и других. Предыстория рождения топо-

нима такова: в 1985 г. на заседании секции «История географических знаний» К. А. Шопотов уделил большое внимание роли Л. М. Пасенюка в проведении исторических исследований Командорских островов и предложил назвать безымянный мыс (на тот момент) на пути в бух. Командор именем «патриота Командор». Руководитель секции, д. и. н. Б. П. Полевой, поддержал инициативу, и решение заседания было передано в президиум Географического общества СССР. Сам Леонид Михайлович отмечает (письмо Л. М. Пасенюка от 21 марта 2011 г.), что его деятельность никак не связана с означенным мыском, своим открытием он считает проход через грот между бухтами Перешеек и Дикая.

Четвертая группа. Спорадически на картах островов встречаются такие понятия, как «шайба» и «одиночка». Оба устаревших термина обозначают дом промыслового ухоя. В XIX в. на территории Русской Америки одиночками называли административные торговые точки, фактории, состоявшие зачастую из одной избы, в которой жил управляющий и служащие. На Командорах понятие трансформировалось в одиночную промысловую избу, обычно небольшого размера. В то же время «шайба» – значит сруб (3, с. 100), большая изба. Вероятнее всего, шайбы пришли на смену более ранним полуземляным «казармам». Впервые «шайбу» как составную часть топонима нанес на карту Дыбовский, там же представлены первые «одиночки» (одиночные, одиначки). Шайбы и одиночки приводились исключительно для о. Беринга: р. Товарищеская Шайба впадает в безымянную бухту, прежде – Шайбу Старогаванскую или просто Шайбину; другая р. Шайбовская впадает в бух. Гольцовку; бух. Старая Одиночка (Буяновская) в конце XIX в. называлась Шайбиной; бух. Старцевская – Шайбой Старцевской; кроме того, стояла Половинная Шайба (Шапина Половинная). На карте Дыбовского одиночки встречаются: близ м. Вакселя, в б. Передовой, близ р. Водопадной бывшего Полуденного лежбища, Старая Одиночка – близ м. Тонкого (топоним сохранился). Первоначальные значения слов давно стерлись из памяти, и современные жители могут объяснить название «Товарищеская Шайба» тем, что на открытом участке между ухоями Старогаванским и Буяновским устраивали «каток» и «соревнования».

Топоним Казарма (Казарменный) также появился в связи с ведением пушного промысла. По свидетельству Дыбовского, на границе бывшего Полуденного лежбища между бух. Гладковской и Старой Одиночкой стояла «казарма» – большая полуземлянка (барбора), предназначенная для сезонного проживания промысловой бригады. Другая барбора, Песцовая Казарма (Piescowa kazarmienaja) располагалась южнее б. Озерной (совр. бух. Казарма). Термин давно вышел из употребления, и спустя четверть века Суворов предлагает совершенно иную трактовку (для бухты Казарменной близ бывшего лежбища): «Высокий утес, поднимающейся из воды возле берега, издали представлять точную копию гигантской землянки, или юрты, какъ ихъ тамъ называютъ; сходство увеличивается темъ более, что верхъ утеса густо заросъ травой и кажется наваленнымъ сверху дерномъ. Название утеса – Казарма – перешло и къ лежащему возле мысу» (52, с. 82). С утратой промыслового участка изменилась и смысловая нагрузка топонима.

Промысловые участки располагались во всех основных бухтах, но связанные с ними имена промысловиков сохранились в единичных случаях. Дело в том, что изба не закреплялась пожизненно и не передавалась в пользование следующему поколению, обычно ухоя распределялись на сходе путем жеребьевки. Тем не менее, на карте можно найти бух. Старцевскую, Мякишевские, Шипицинскую (Шипичинскую, Шепитанскую), Серебрянникова; оз. Шангинские, р. и оз. Ладыгинские. Все это – фамилии местных жителей. Кроме того, на карте можно встретить имена: бух. Ликандровская (Никандрина), Емельяновская, Никитинская, Николка, Марьинская, Васильевская, Гавриловская (устар.), Федоскина (устар. м. Федюшкин), оз. Федосьи (устар.), м. Матвея (Матвеевский).

Бухта Серебрянникова, вероятнее всего, связана с именем байдарщика Ивана Серебр(н)икова, управлявшего островами с 1821 по 1826 г. или его сыновьями, Иваном и Александром, служившими поочередно байдарщиками на Беринга с 1839 по 1841 г., возможно, кем-то из их потомков (о них сведений нет).

Семья Старцевых была очень большой и проживала на о. Беринга со времен Российско-Американской компании. Также на острове промышляли Шипицины, в частности, Степан Мефодиевич Шипицын (ок. 1869 г. р.) (22). Суворов утверждал, что последний представитель фамилии умер «совсем недавно» (52, с. 97), что очень странно, так как на момент написания монографии Степан здравствовал и даже женился в третий раз. В 1817 г. вся семья переселилась на Камчатку в селение Малый Ваям (посемейный список № 9 алеутов о. Беринга, переселяющихся в Уку и малый Ваям – 31 марта 1917 г. с. Никольского на о. Беринга; Копия, нахождение оригинала неизвестно). Приходился ли Степану родственником байдарщик Федор Шипицын, робинзонивший в 1805–1813 гг.

с женой и группой из 9 промышленников (по разным данным число членов группы варьирует от 10 до 15, что объяснимо наличием как минимум одной женщины и детей), сказать сложно. Но об этой колоритной личности стоит упомянуть отдельно: Федор был не только видным мужчиной и успешным промысловиком, его по праву можно считать «патриархом» островов, ведь именно он в свое время «требовал от Охотской конторы алеутов для промысла (бобров)» (45, с. 182). Пожелание было выполнено не позднее 1825 г. Уехала ли семья Шипицына с Командорских островов или осталась – вопрос открытый. Известно лишь, что история промысла 1805–1813 гг. связана главным образом с о. Медным.

На северном побережье о. Беринга имеется бух. Мякишевская и р. Мякишевская – между бух. Старогаванская и Буян (на карте Дыбовского расположенная поблизости бухточка называется не Мякишевской, а Мясниковской, сама бухта – Лиственничная). Л. М. Пасенюк считает (34, с. 121–122), что топоним посвящен Николаю Ивановичу Мякишеву по прозвищу Дутр (1994 г. р.). Все может быть, вот только первая Мякишевская бухта – Мякишевская Западная на месте современной Западной – фигурирует на карте уже в 1885 г. Строго говоря, речь может идти о любом из потомков бывшего матроса РАК, тюменского крестьянина Георгия Даниловича Мякишева, проживавшего на о. Беринга с 1840-х по 1855 г. и имевшего детей: Ивана (1835–1859), Андрея (1838 г. р.) (27, с. 364), вероятно, Александра (ок. 1824–1867), Захара (1829 г. р.) (ЛС. D-59. P. 392.), а также дочерей.

Топоним «Ладыгинская» впервые появляется в публикациях Дыбовского и Стейнегера. Интересно замечание Стейнегера о Ладыгинском промысловом ухое (5, р. 251, пер. О. А. Куликовой, 2011 г.): «В зависимости от щедрости района и размера избы мужчин старше 18-ти лет ... распределяют таким образом, чтобы все имели равные шансы. С целью справедливого распределения охотникам дано тянуть жребий. ... Причиной того, что Ладыгинская является исключением, стало следующее обстоятельство: согласно патриархально-общинному принципу управления земля является общей собственностью всех жителей острова, поэтому никто из них не имеет права использовать ее в собственных интересах. Несмотря на это, несколькими особо работающим, запасливым или жадным до наживы удалось обосновать на Ладыгинской речке своего рода хутор. Здесь они вылавливают лосося, заготавливают для себя дрова, выполняют охотничьи обязанности по отлову песцов, – короче говоря, ведут себя как полноправные хозяева самого богатого во всех отношениях участка». Известно (устное сообщение В. Т. Тимошенко, 2011 г.; 23), что в 1880-х гг. на месте селища проживала семья Прошевых – память о детских годах сохранили Анна Макаровна (в замужестве Панькова, ок. 1884 г. р.), ее сестра Евдокия Макаровна (в замужестве Голодова, ок. 1888 г. р.), их брат Михаил Макарович (ок. 1888 г. р.). Вероятно, здесь же жила семья мужа Анны Макаровны, Александра Моисеевича Панькова (ок. 1878 г. р.). Ранее это должен был быть кто-то из многочисленного семейства Ладыгиных. Известно, что с середины XIX в. на о. Беринга проживали: Григорий (1820 г. р.), Никита (1832 г. р.) и Игнатий (1836 г. р.) с семьями, а также их мать Екатерина (1790 г. р.).

Сложнее обстоит дело с бух. Лисинской. Ее прежние названия: Лисенкова (Суворов), Лисонковская (Стейнегер), Лисонковая или Лисовская (Дыбовский). Очевидно, что топоним никак не связан с лисицами или лесом. В связи с этим можно вспомнить несколько исторических персонажей, чья деятельность могла так или иначе быть связана с Командорами. Прокопий Лисенков (Лисенко) принимал участие в экспедиции М. Д. Левашова – П. К. Креницына, а затем ходил передовщиком на боте «Св. Иоанн Предтеча» (1779–1785), промышлявшем на Ближних о-вах. Афанасий Лисенков (27, с. 308) участвовал в экспедиции Шелихова 1783 г. Вероятно, были и иные Лисенковы – родственники или крестники. Носители созвучной фамилии – Лестенковы – служили в Атхинском отделе РАК и посещали Командоры, доподлинно известно, например, что Лестенкова Анастасия Михайловна вышла замуж за командорского креола Алексея Сушкова.

Интересен также топоним Свинные (Свиные) горы. Легко догадаться, что он никак не связан с известными парнокопытными. Речь может идти либо о передовщике Иване Свиныне, промышлявшем на судне «Св. Изосим и Савватий» в 1792–1793 г. (судно останавливалось на о. Медном), либо, что более вероятно, о ком-то из рода Свиных, служивших в Атхинском отделе в период Российско-Американской компании. К примеру, известно, что сын Ефима Свинынского (1831 г. р.), Матфей, родился на о. Беринга в 1864 г. (4, р. 394), и некий Свинынский «с о. Атки» (25, с. 48), очевидно, сам Ефим, проживал на острове в 1882 г. Со временем звучание топонима могло быть упрощено.

Замещения и искажения в названиях – явление обычное. К примеру, бух. Яковская (от довольно распространенного имени Яков) на о. Беринга сегодня пишется как Яновская.

Интересна и неоднозначна в плане топонимики труднопроходимая южная оконечность

о. Беринга. На данном участке бухты «блуждают», меняясь местами у различных авторов: с восточной стороны это бухточка Эканах (Ikanakh) и Ликандровская (Никандрина, Лекандрина), с западной – Серебрянникова и Голодная. «Ikanakh» впервые появляется на карте Стейнегера (1896). Не вызывает сомнения, что топоним имеет алеутские корни. Самое близкое, практически идентичное по звучанию слово «ик’анах’» (24, с. 50) переводится как «старуха». На карте Дыбовского бухта подписана «Староречная». Но столь сложное и длинное слово могло фигурировать разве что в отчетах российских чиновников, в быту должен был использоваться упрощенный вариант. Возможно, с полуофициальным топонимом «Староречная» произошло то же самое, что сегодня происходит с названием бух. Старая Гавань и р. Старогаванской: жители называют оба географических объекта коротко и лаконично – Старуха. Возможно, в конце XIX в. «Старухой» ласково величали обветшавшую промысловую юрташку на юге острова. Что касается Ликандровской, она должна была соответствовать промысловому участку некоего Никандра (к примеру, на о. Беринга жил Никандр Иванович Степнов, 1848 г. р.). Обе бухточки настолько малы и труднодоступны, что перестановка названий неудивительна, тем более, что это могут быть части одной истории.

Наиболее интересной и показательной является **пятая группа**. В нее входят как весьма прозаичные названия, так и интригующие.

Бухты Дубовые (совр. 1-ая Дровенская на о. Беринга раньше называлась Дубовой) и Сосновые (одна из них – в прошлом Лиственничная) относятся к разряду «Дровяных». В них чаще, чем в других, собирали выбросной лес, плавник. Согласно примечанию Дыбовского, по слухам в районе современной бух. Сивучей близ 1-й Дровенской (о. Беринга) на берегу находили дуб. То же самое касается других пород древесины.

Бухта Кишочная (на современных картах – р. Кишечная) названа так потому, что раньше алеуты полоскали здесь кишки котиков и сивучей. В дальнейшем очищенный материал использовался для пошива одежды.

Речка Запорная и Ивановский Запор близ с. Никольского напоминают о популярном в XIX в. способе вылова рыбы: на реке ставился запор – поперечное ограждение из кольев и бревен, реке – камней. Запоры были одностенные (на небольших речках) и двустенные (на оз. Саранном).

Название бух. Линялой впервые фигурирует на карте Дыбовского. Он также приводит алеутский аналог – Чмулилах. «Чн’улил» (24, с. 150) – значит линять. Дыбовский поясняет, что в этом месте «тюлени находятся во время линьки» (3, с. 100).

В Лощалых (Лощавых) ручьях во время нереста стоит «лощавая» нерка в брачном наряде.

Старое название одного из участков бух. Большой на о. Беринга – бух. Угловая (Uglowaja, Uglowskaja) (3, с. 99). Вероятнее всего, запись сделана ошибочно, правильнее писать – Uglowaja (Углевая), тем более, что сам Дыбовский тут же приводит алеутский вариант: «Utki-uda». «Утких’», переводится как «уголь, зола», «удаа» – залив, «утхим удаа» (пер. и транскрип. Е. В. Головки, 2011 г.) – бух. Угольная. Аналогичный топоним – Utxis Udaa – имеется на о. Атка (1, р. 453).

По долине р. Перегонной гнали котиков с Полуденного лежбища к забойным площадкам (3, с. 98).

Топоним Перегребная впервые появился на карте Гребницкого (1882). С этой точки осуществлялся перегреб через пролив на о. Медный и обратно. Обычно на территории Русской Америки перегребом называли пройденный на гребях (веслах) морской маршрут длиной в 30 верст. В нашем случае это не 30, а более 45 верст. Рядом с бухтой расположена Байдарная Пристань.

Г. М. Яковлев считает, что название «мыс Саклов» (Сакал) на о. Медном может брать начало от русского слова «сак», «сачок»: сачками, или чиручами, на скалах мыса и прилегающей территории ловили птиц, главным образом глупышей (устное сообщение Г. М. Яковлева, 2011 г.). С другой стороны, близкое по звучанию алеутское слово «саакутил» (24, с. 104) переводится как «переворачиваться вверх дном» (о лодке). Сказать что-либо определенное в данном случае затруднительно. По-всей видимости, должны быть и другие объяснения.

Мыс Каламак (о. Медный) звучит у Стейнегера как «Куломакх» (Kulomakh). В раннем произношении прослеживается произнесенное на алеутский манер слово «кулема» – популярная в XVIII–XIX вв. примитивная ловушка давящего типа. Вот что пишет о кулемах Вениаминов: «Кулема – «называют ловушку, похожую на маленькой шалаш, съ трехъ сторонъ загороженный кольями, а сверху, вместо крыши, кладется бревно или доска, съ тяжестию, поддерживаемая небольшими палочками-насторожками; внутрь шалаша кладутъ наживку, т. е. мясо сивучье. Лишь только песецъ всунетъ голову внутрь ловушки и начнетъ трогать мясо, какъ тотчасъ обрушится на него вся крыша и придавитъ его» (20, с. 335). Первое упоминание об использовании кулемы встречается еще

в отчете Емельяна Басова о походе 1743–1744 гг. (10). В 1895 г. кулемы и пасти были официально запрещены (52, с. 219) как нецелесообразные, портящие шкуру и наносящие урон популяции зверя. С другой стороны, в алеутском языке имеется собственное слово для обозначения орудия промысла – «kulumkix’» (1, р. 248) (произошедшее от русского «кулемка»). И есть «kulamaх» (kulamak) (1, р. 247) – кит; этим словом обозначали гренландского кита *Balaena mysticetus*, а также южного кита *B. glacialis* (совр. *Eubalaena japonica*). Оба вида встречаются в акватории Командорских островов. По всей видимости, мы имеем дело еще с одним «Китовым» мысом.

Топоним «Наюшка» на о. Беринга произошел, вероятнее всего, от алеутского слова «найух’» (найух’ (1, р. 283)). Это плавательная конструкция (воздушная подушка) из надутой шкуры котика или мочевого пузыря, горловины или кишок сивуча крепилась к обоим бортам байдарки или обвивалась (если надувались кишки) вокруг лодки. Найух выполнял функцию швартовых кранцев.

Топонимы Корабельная, Подъемные, Горелье и т. д. говорят сами за себя, но иные требуют дополнительного пояснения. Современный безымянный подъем в бух. Полуденной (о. Медный) обозначен на карте Суворова как Подъем Погибший, а у Стейнегера – Игитчишаинлакх (Igitchishaynlakh). Вот как Суворов описывает его: «Отъ лайды предстояло подняться по крутизне, градусовъ до 70, футовъ на 150 вверхъ по ровной скале, чуть изъеденной текущимъ ручейкомъ, все время придерживаясь его русла. Мокрые сапоги скользятъ по скале, нетъ никакого уступа, на который можно было бы опереться ногой...» (52, с. 90). Это очень сложный, «гиблый» подъем. Е. В. Головки считает (устное сообщение, 2013 г.), что топоним связан с алеутским корнем «игит-», обозначающим падение сверху, например, со скалы. Остальная часть слова искажена настолько, что предположить, что именно за ней скрывается, затруднительно. Возможно, речь идет о ком-то упавшем или подьеме, с которого можно упасть. Алеутское название могло быть переведено на русский как «Погибший».

Бухта Бабичья на о. Медном, напротив, имеет «бабий», несложный подъем. Именно этот топоним встречается немного южнее на карте 1893 г. (43) (близ совр. м. Каламак).

В бух. Голодной, по словам Дыбовского, когда-то во время бури голодала целая бригада алеутов (3, с. 99).

Бухта, расположенная южнее м. Федоскина (устар. Федюшкина), получила название в первой половине 1870-х, когда на берег выбросило труп кашалота *Physeter macrocephalus* (Dybowski. S. 98). На современных картах речка сохранила название, а бухта утратила.

Медновский топоним «Венидикт Упал», по словам Г. М. Яковлева, увековечил историю, когда, по рассказам стариков, некий Венидикт, собиравший на скале птичьи яйца, сорвался вниз вместе с крупной дерновиной, на которой стоял. По счастливой случайности насыпь была из мелких камней, а дерновина оказалась крепкой – он упал с большой высоты, но остался цел. Другие подобные случаи заканчивались плачевно. На алеутском языке мыс назывался «Венидикт игаал» (Словосочетание записано Г. М. Яковлевым по просьбе автора статьи, 2011 г.; рассказчик долго перебирал варианты и остановился на этом), рассказчик переводит фразу как «Венидикт взлетел» (как птица). Единственный Венидикт, запечатленный в метрических книгах – Венидикт (Винидикт) Игнатъевич Бадаев 1844 г.р. (4, р. 391; 22) (уроженец о. Беринга, но его дети жили на о. Медном).

По словам того же Г. М. Яковлева, южнее м. Трофимовского расположен «камень», «где Ипат(ий) какого-то зверя застрелил». Этот участок местные жители называли «Ипат калуу’гил» (словосочетание записано Г. М. Яковлевым, перевод его же, 2011 г.) – «Ипат выстрелил». Южнее расположена бух. Стрельбовая (происхождение топонима неясно).

Сохранились и более загадочные топонимы. Согласно местному преданию, на о. Медном в бух. Челябинской (52, с. 91) близ бывшего Корабельного селища «жили» мистические карлики-челакан. Челакан (чалакучах, чалакучинах) – низкорослые человечки, живущие в пещерах и исчезающие при виде людей. По рассказу Кирилла Терентиевича Ладыгина, родившегося и промышленничавшего на Корабельной, бух. Чалакусках’ расположена севернее современной бух. Водопадной, в том месте, где ниспадает высокий заметный водопад (54°40’44’’ с. ш.). В скалах южнее м. Корабельного находится скрытая пещерка – «прибежище чалакучах», эту пещерку показывал ему в детстве отец вместе с другими «стариками». То же самое подтверждает на свой манер Геннадий Михайлович Яковлев: если идти по берегу (без учета непроходимости мест), за Корабельной идет первая бухточка с небольшим водопадиком, а следом – Чалакусках’ с водопадом. В этом месте в 1950-х гг. брал воду китобой «Алеут» (устные сообщения: К. Т. Ладыгина (2011, 2013 гг.) и Г. М. Яковлева (2011 г.)).

Старое название Стеллеровой горы – Чунохолохтах (52, с. 85) – переводится Суворовым как «гора Беглецов». «Беглецами» (44, с. 86) на островах называли незнакомых таинственных лю-

дей, внезапно возникающих из тумана и исчезающих в никуда. Этих «беглецов» очень боялись, особенно женщины. «Чунуг’улах’» (Chungug’ulax’) (24, с. 287; 1, р. 155) переводится как «черт, нечистая сила», «чунуг’улах’тах’» – «чертова» (пер. и транскрип. Е. В. Головки, 2013 г.). На склонах горы берут начало две речки, впадающие в одноименные бухты: Чакаулахтах и Каюльская (немного севернее). Местный житель (уроженец о. Медного) Г. М. Яковлев называет первую речку так же, как и гору, «Чунуг’улах’тах’» – «Дьявольская речка». Перевести или каким-то образом интерпретировать название «Чакаулахтах» никто из старожилов не смог.

Речка Каюльская могла получить название от алеутского «каулах’» – так в период Российско-Американской компании называли низшую категорию работников (см. выше), в том числе понесших наказание преступников (правонарушителей). (Интересно замечание Е. В. Головки, что слово «кайулах’» буквально означает «бессильный», «слабак», «доходяга» (устное сообщение Е. В. Головки, 2013 г.)). Если предположить, что топоним подразумевает именно эту, неблагоприятную и неблагонадежную, социальную группу, становится понятна почти полностью утраченная к началу XX в. легенда о «беглецах». Но так как на Командорах ни настоящих кайулов, ни «беглецов» не было, а были они на соседних островах бывшего Атхинского промыслового отдела, речь может идти только о привнесенном вместе с переселенцами поверье. Расположенная неподалеку от Полуденного селища (15, с. 21–25) (существовало до тех пор, пока велся промысел на Полуденном (южном) лежбище котиков) высокая, постоянно окутанная туманом гора как нельзя лучше подходила для «прибежища» воображаемых чужаков.

Существует целый ряд топонимов, о происхождении которых остается только догадываться. К примеру, бух. Китовая близ м. Гаупта у Дыбовского называется Назанимала (Nazanyumala, Nizang). Озеро Шангинское было оз. Марфы (Марфиным), а Лядыгинское – Черныхой (3, с. 101). Озеро Саранное – оз. Федосьи (см. выше). 1-я и 2-я Солдатские бухты появились на карте о. Медного в 1896 г. и не связаны с военными действиями, как того можно было бы ожидать.

Остается загадкой происхождение топонима Буян. Он никак не связан с буйством стихий – Дыбовский делает замечание, что на карте Беклемишева мыс записан ошибочно, его правильное название – Боян, м. Бояновский (3, с. 100). В самом деле, алеутский акцент мог легко трансформировать «Боян» в «Буян». Вероятнее всего, название связано с деятельностью корвета «Боян», охранявшего в эти годы межтерриториальные воды.

Острова и кекуры. Официально считается, что Командорский архипелаг насчитывает около 15 островов, среди которых два крупных и два маленьких, остальные представляют собой обнажающиеся во время отлива вершины подводных скал. Также имеются кекуры – небольшие отдельно стоящие высокие скалы и останцы, обычно абразионного происхождения.

О происхождении названий о-вов Беринга и Медного уже было сказано выше. Прямо напротив с. Никольского лежат два небольших заселенных колониями птиц островка: плоский о. Топорков (Топорок) и скалистый о. Арий Камень. Острова получили названия в период Российско-Американской компании: о. Топорков – благодаря крупнейшей монодоминантной колонии топорков (*Lunda cirrhata*), о. Арий Камень – многоярусному птичьему базару, изобилующему нарядными белогрудыми кайрами (местное название кайры – ара). Судя по сохранившейся информации, Топорков не менял названий, а Арий Камень имел и другие: Новый (1827) (38), Яичный (1827) (45, с. 168) и Сивучий (с 1827 г. и далее) (38; 48; 52, с. 80; и др.). Такой разброс связан с особенностями природопользования: о. Топорков представляет собой изрытое топорковыми норами невысокое плато – основное место добычи птиц. Топорки употреблялись местными алеутами не только в пищу: из их шкурок шилась одежда (парки), а клювики использовались как декоративный элемент. (Неплохо сохранившиеся командорские птичьи парки находятся в фондовых коллекциях Музея антропологии и этнографии (г. Санкт-Петербург) и Музея этнографии (г. Краков) (МАЭ 313 № 64; МЕК 19135). И хотя на островке также собирали яйца серокрылой чайки и промышляли тюленей, основным объектом добычи оставался топорок. На Арьем Камне видовое разнообразие значительно выше. Помимо птиц, больше промысловое значение имела крупная залежка сивучей, находившаяся здесь же. При этом особенности эксплуатации острова носили четко выраженный сезонный характер. Вот как это объясняет журналист Галина Санько (1935): «...летом его алеуты зовут Арий-кемень... зимой же Сивучий... смотря по обитателям острова» (47). После образования заповедника «Командорский» (1993) местным жителям было практически полностью запрещено добывать морзверья и собирать яйца на обоих островах: выделенные участки малоприспособны для этих целей, и разрешения выдавались нерегулярно. В результате потребовалось менее десятилетия, чтобы визуальный образ

стал доминировать над прикладным аспектом. Официально остров по-прежнему называют Арьем Камнем, хотя молодежь, как правило, не имеет ни малейшего представления, кто такие «ары». Зато теперь среди местного населения бытует новое название – Задница Великана. Негативный окрас отчасти обусловлен обидой за отчуждение исконно промысловой территории.

Камень Половинный (Половинчатый, Половинка), расположенный между Арьем Камнем и Топорковым, не менял названия с конца XIX в. Он лежит строго посреди пути, и алеутское слово «Алитана» (Алим танаа) дословно можно перевести как «суша (остров), лежащая посредине» (устное сообщение В. М. Кияйкиной, 2011 г.; В. Т. Тимошенко, 2012 г.). Аналогичным образом – Ali(m) Tanaa (Ili(m)-tanaa) (1, р. 47, 589, 631) – ранее назывался о. Яичный (Egg Island) у берегов о. Атки.

Камень Подводный (41) напротив р. Емельяновской со временем стал Надводным (на карте Штейнегера он указан как Емельяновский камень).

Кекур Орлов Камень близ с. Никольского назван так потому, что согласно легенде в XIX в. на нем гнездились орлы (белоголовый орлан) (3, с. 98).

К старым топонимам о. Беринга относится Унгих Камень (3, с. 99) – это прибрежная скала, расположенная с западной стороны, севернее м. Манати. Так как южная часть острова на старых картах изображена неточно, сложно определить, какому именно островку или мысу соответствует указанный объект. Перевод также вызывает большие затруднения: самое близкое по звучанию слово «унгих’» (ung’ix’) (устное сообщение Г. М. Яковлева, 2011 г.; 3, с. 444) обозначает пах или подмышку («унг’ийах») – медн., похожее на пах, подмышку (пер. и транскрип. Е. В. Головки, 2011 г.). Значение слова мало подходит под описание скалы. Остается теряться в догадках.

Останцы и скалы о. Медного невероятно разнообразны. Некоторые из них поднимаются конусом, другие имеют форму столбов или же вовсе принимают самые причудливые очертания. Большая часть скал носит названия, связанные с их обитателями: Нерпичьи, Сивучьи, Урильи, Арьи и т. д. Наиболее оригинальные очертания имеют группы скал, называемые Бобровыми Камнями. Топоним известен со времен Гребницкого, но каждый исследователь находил в них свои образы. Так, Дыбовский выделял группу скал под названием Корабль, аргументируя тем, что в определенном ракурсе камни напоминают мачты парусника. Суворов – точную копию сфинкса с обломленной головой, при этом он отмечал, что эффект усиливается, если смотреть с моря. Алеуты называли камни Кагалу Углуки (кагалум ун’луких) – «два пятчатых каменных столбов (кекуров)» (устное сообщение Г. М. Яковлева, 2011 г.).

Суворов описывал и другие скалы и пещеры близ села: «Возле самага села Преображенскаго, подь Кекуромъ, особнякомъ стоит высокая скала – Тизиковъ Камень; волны выбили въ ней значительное углубление, отчего скала кажется несколько наклоненной къ морю. Несколько дальше къ юговостоку находится большая, сажень до десяти въ длину, Говорущья пещера. Въ тихую погоду во время прилива внутрь пещеры можно войти на шлюпке подь оглушительный крикъ говорущекъ, избравшихъ пещеру своимъ местопребываниемъ. Рядомъ съ названной находится маленькая щелевидная Гремящая пещера. Набегаящая волна сжимаетъ находящейся въ трещинахъ воздухъ; расширяясь, последний производитъ громкий звукъ» (52, с. 91).

Далеко не все бытовавшие и бытующие названия зафиксированы на карте. Топонимы рождаются и умирают в зависимости от того, насколько активно и каким именно способом эксплуатируются ресурсы данной местности. Наиболее посещаемые участки имеют более богатую топонимику, запустение приводит к утрате целого ряда терминов. В настоящее время на о. Беринга активно осваивается только северная часть острова, южная и центральная отчуждены заповедником. Это нашло отражение в устном творчестве.

Для обозначения южных районов используют официальные топонимы, нанесенные на карту, новых за последние десятилетия не появилось. Совсем иная ситуация с окрестностями с. Никольского (с 1970 г. на Командорских островах функционирует только один населенный пункт). В одной только долине р. Гаванской выделяют не менее 15 объектов. Томатовские ручьи и Томатовские покосы расположены в долине оз. Гаванского близ того участка, где руч. Ивановский Запор выходит в долину. Во второй половине 1950-х гг. покос был закреплен за державшим индивидуальное хозяйство Егором Петровичем Томатовым (1927 г. р., приезжий, рабочий Командорского зверосовхоза). Не доезжая Томатовских, недалеко от места, где р. Запорная выходит в долину, расположены Березинские покосы – по фамилии братьев Березиных, старшим из которых является Дороеф Семенович (1946 г. р.). Между р. Запоркой и Томатовскими ручьями находится участок Мутная. Ивановскими ручьями называют место впадения р. Ивановский Запор в оз. Гаванское, это наиболее посещаемый участок зимней рыбалки. Другой рыболовный участок, Белокаменка, лежит в той же долине, по

северному борту, западнее Ивановских. Между Ивановскими и Белокаменкой расположены руч. Самовар и Самолов, эти названия употребляют главным образом старожилы. Чуть дальше находится Ульченковские покосы – бывшие покосы Николая Андреевича Ульченко (1926 г. р., приехал на остров в 1956 г. вместе с семьей (устное сообщение А. П. Ульченко, 2013 г.)). Участок Шутхину (Шитхина, Ситхину) находится между Томатовскими и Ивановскими ручьями напротив Малой Наковальни, в этом месте протекает руч. Добавочный (устное сообщение Ю. Ю. Голых, 2012 г.). «Ситхис» – значит кал (32, с. 50); многие местные жители старшего поколения помнят значение слова и переводят его как «дерьмо» или нечто «дурно пахнущее». Действительно, раньше уровень воды в долине был значительно выше, и сборщицы ягод страдали от зловонных испарений и выходящих болотных газов, кроме того, разлагалась отнерестившаяся рыба. Поселковую свалку в 1980-х гг. также называли ситхинуу (устное сообщение Е. В. Головки, 2011 г. со ссылкой на В. М. Кияйкину).

Сопка Наковальня отмечена еще в монографии Суворова, а топоним Малая Наковальня нигде официально не фигурирует. Если смотреть со стороны моря, Малая Наковальня расположена прямо за Наковальней. Также на картах не отмечена известная каждому жителю соп. Утюжок, расположенная по левому борту долины.

Ближе к устью на заболоченной низине находится Тинное озеро – часть старицы р. Гаванской. Основную часть старицы называют Кривун.

В долине, напротив поселкового кладбища и огородов, лежит круглое Тухлое (Гнилое) озеро. Озеро называется так потому, что в нем отмачивали соленое мясо морских котиков на корм собакам (устное сообщение И. И. Вожилова, 2012 г.) (собачники с ездовыми собаками располагались неподалеку на сопке). Тушки бросали прямо в воду и оставляли на несколько дней. Запах стоял соответствующий.

На надпойменной террасе левого борта р. Гаванской, напротив устья р. Запорки расположено Чаячье озеро – место бывшего водозабора, ныне пересыхающее. Небольшое пересыхающее озерцо в центре поселка, ниже освященного православной церковью родника раньше было полноводным и носило название Лебединое (устное сообщение В. Т. Тимошенко, 2007 г.), сегодня топоним помнят лишь представители самого старшего поколения, остальные называют участок Ключиком или Родником.

Тропы вдоль обоих бортов долины называют «собачками» – раньше здесь ездили собачьи упряжки в зимнее и даже летнее время. Такие же «собачки» есть и в других частях острова, правда, за последние десятилетия они почти полностью заросли.

В районе скалистого Непропуска близ с. Никольского выделяют Чертов Палец – узкий проход между скалами, узнаваемый по небольшой пальцеобразной естественной стеле у внутреннего борта прохода. Между речками Гаванской и Каменной протекает Солдатский ручей: здесь в 1940-х гг. патрулировавшие остров пограничники делали кратковременный привал. Легенда о том, что на этом месте якобы пропал солдат, беспочвенна: подобный инцидент, действительно, имел место, но значительно позже и не был связан с ручьем (устное сообщение В. Т. Тимошенко, 2013 г.). Истории с приездами, даже самые загадочные, редко сохраняются в памяти командорцев. В устье р. Песчанки (между рр. Каменной и Федоской) на песчаном холме стоит символический крест – в октябре 1997 г. в этом районе при странных обстоятельствах бесследно исчез сотрудник электростанции Сергей Головки. Однако ни крест, ни участок не получили собственного названия.

В нижнем течении р. Каменки находится участок Григорьевские покосы (покос Аркадия Сергеевича Григорьева, ныне покойного), название бытует последние два десятилетия. Выше по течению расположена «Проволока» – участок старой дороги, функционировавшей до того, как была отстроена дорога на Старую Гавань, но это название знакомо немногим.

В долине р. Ладыгинской выделяются несколько участков, связанных со сбором морошки и местами подледного лова. «Папироска» расположена вдоль северного борта оз. Ладыгинского и подразумевает избу, незамерзающие ручьи и морошечник. Раньше название распространялось на всю долину, и данный конкретный участок с избой был местом «перекура» – кратковременного отдыха на пути от Северного лежбища к поселку, он расположен как раз в середине пути. Сегодня выделяют также Поперечную – участок с противоположного юго-восточного борта соединяющегося с Ладыгинским Шангинского озера. Узкий проход между озерами Шангинским и Воротным называют Воротами.

Интригующе звучит местная поговорка «пойти к цыганам на Манати». О каких «цыганах» в самом труднопроходимом участке южной оконечности острова идет речь, рассказала местная жительница Вера Терентьевна Тимошенко (устное сообщение В. Т. Тимошенко, 2011 г.): «Приехавший

на остров в 1955 г. Егор Томатов (1927 г. р.) был человеком добрым, любознательным и энергичным. В скором времени Томатов освоил мастерство каюра и в декабре 1957 г. был направлен в составе выездной бригады на «дальние ужожа» вести зимний промысел песка. В состав бригады входили местные промысловики: Михаил Иванович Пешков (ок. 1924 г. р.) и Май Михайлович Степнов (1929 г. р.). На обратном пути договорились встретиться со «стариками» – Апполиналием Игнатьевичем Бадаевым (1906 г. р.) и Иваном Иосифовичем Ножиковым I (1917 г. р.) – на Старой Гавани. Бадаев и Ножиков приехали вовремя, а Томатов задержался на полдня. В те годы с этим было строго – не пришел, значит, что-то случилось. «Старики» давай спрашивать: «Где был? Что видел? ...А цыгане тебе не встретились? Там, на Манати, цыгане толпой, там у них табор». Весельчак Томатов с удовольствием поддержал розыгрыш: «Когда в другой раз дадут задание, поеду – обязательно посмотрю». С той поры шутка бытует вот уже более полувека, и если хотят раззадорить или заинтриговать новичка, спрашивают: «На Манати ходил? А цыган там видел?»

Процесс формирования топонимов бесконечен. Пока заселены острова, народная фантазия не иссякнет. Однако последнее время прослеживается странная тенденция давать географическим объектам имена, никак не связанные с регионом. Так, 1 декабря 2004 г. было принято постановление о присвоении проливу между островами Беринга и Медным имени адмирала Кузнецова. На тот момент российский флот отмечал столетие со дня рождения Николая Герасимовича, но при всем уважении к заслугам Героя Советского Союза и одного из наиболее выдающихся военачальников Великой Отечественной войны стоит признать, что ни к Командорам, ни к Камчатке его деятельность не имела прямого отношения. 29 декабря 2004 г. вышло второе постановление – о присвоении двум безымянным вершинам на о. Беринга наименований в память о члене Совета «Интеркосмос» Леониде Андреевиче Кашине и начальнике Главного управления геодезии и картографии СССР Илье Андреевиче Кутузове. И вновь та же ситуация: ни создание сети космической триангуляции, ни использование материалов космических съемок для создания карт не имеют прямого отношения к тихоокеанским островам. Несмотря на то, что общественность острова единодушно отвергла идею, новые топонимы были официально утверждены. В то же время встречные предложения увековечить имена исторических персонажей, чьи судьбы тесно связаны с Командорами, остались без ответа.

Впрочем, история помнит и более казусные случаи. В двухтомном фолианте «Приключения и путешествия графа Морица Августа Беневского» (Лейпциг, 1791) знаменитый словацкий путешественник и авантюрист Мауриций (Мориц) Беневский сообщает, что был со своей командой на о. Беринга и залив, в котором стояло его судно, назвал в свою честь бухтой Святого Маврикия (Мауриция). Указанная бухта – не что иное, как современный Никольский рейд. Название вполне официально запечатлено на карте Морозевича 1903 г. (3, s. 101; 2).

1. *Bergsland K.* Aleut Dictionary. Fairbanks, Alaska: Alaska Native Language Center & University of Alaska Fairbanks, 1994. 755 p.
2. *Dybowska M.* Zapisane w śniegu, czyli polska wiedza o Kamczatce i sąsiednich wyspach. – Wydawnictwo MAAR : Zrealizowano dzięki pomocy finansowej Ministerstwa Kultury I Dziedzictwa Narodowego, 2006.
3. *Dybowski B. J.* Wyspy Komandorskie. Z mapa i 10 fotodrukowanymi tablicami. Lwow : Z I. Związkowej drukarni we Lwowie, 1885. 104 S.
4. LC. D-59. Ново-Архангельскому Духовному Правлению Народонаселение на Острове Беринг за 1866 год по 1-е Января 1867 года.
5. *Stejneger L.* Eine Umsegelung der Berings-Insel // Deutsche Geographische Blätter. Band VIII. Heft 3. Bremen, Deutschland : Herausgegeben von der Geographischen Gesellschaft in Bremen, 1885. P. 225–273.
6. *Stejneger L.* The Russian Fur-Seal Islands / Extracted from U. S. Fish Commission Bulletin for 1896. Art. 1. P. 1–148. Pl. 1–66. – Washington : Government Printing Officer, 1896. 148 p.
7. The Journals of Iakov Netsvetov: the Atkha Years. 1828–1844/ Translated, with Introduction and Supplementary Material by L. Black. Kingston, Ontario, Canada : The Limestone Press, 1980. 342 p.
8. АКМ ГИ 1150/1. Копия с приказа 7 сентября 1897 г. (Запрещение говорить на местных диалектах в лавке и других общественных местах).
9. *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Новосибирск, 2000. 768 с.
10. АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. *Полонский А.* Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год.
11. *Арсеньев В. К.* Командорские острова в 1923 году // Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока. Владивосток, 1923. С. 420–464.
12. МАЭ РАН. ФК. I. Оп. 2. Д. 1305. Полевые дневники Р. Г. Ляпуновой.

13. *Барабаш-Никифоров И. И.* В стране ветров и туманов. М. ; Л. : Всесоюзное кооперативное объединенное изд-во, 1934. 92 с.
14. *Барканова Л. А.* Достойный сын века Просвещения России – адмирал Алексей Иванович Нагаев // Люди великого долга : матер. XXVI Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2009. С. 11–15.
15. *Белковский А. Н.* Новые сведения о поселке Полуденного (Южного) лежбища острова Беринга // Там же. С. 21–25.
16. *Берх В. Н.* Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги Российского Купечества. СПб. : Типогр. Н. Греча, 1823. 170 с.
17. *Браславец К. М., Шатунова Л. В.* Словарь русского камчатского наречия. Хабаровск : Хабаровский гос. пед. ин-т, 1977. 195 с.
18. *Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга / перепеч. с изд. 1940 г. Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2011. С. 407–572.
19. *Ваксмут Н. С.* Заметка о костяке морской коровы (*Manatus Stelleri* – *Stellerus borealis*) / Еженедельник Приамурские ведомости. № 278. Хабаровск, 1899. 25 апр.
20. *Вениаминов И.* Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. II. СПб. : Императорская Российская Академия, 1840. 409 с.
21. *Гаврилов С. В.* Вдоль камчатских берегов. (Транспортное и рыбопромышленное освоение охотско-камчатского побережья в конце XIX – первой трети XX вв.) Петропавловск-Камчатский : Камчатский печатный двор, 2003. 567 с.
22. ГАКК. Ф. 220. Оп. 1. Метрические ведомости.
23. Там же. Ф. 226. Оп. 1. Д. 2. Местком промышленников о. Беринга, 1923: посемейный список.
24. *Головкин Е. В.* Словарь алеутско-русский и русско-алеутский. СПб. : Отд. изд-ва «Просвещение», 1994. 320 с.
25. *Гребницкий Н. А.* Записка о Командорских островах // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. 3. Вып. 2. Иркутск : Типогр. Н. П. Сеницына, 1882. С. 43–125.
26. *Гребницкий Н. А.* Командорские острова. СПб. : М. З. и Г. И. Департамент Земледелия, типогр. В. Киришбаума, 1902. 41 с.
27. *Гринев А. В.* Кто есть кто в истории Русской Америки. М. : Academia, 2009. 672 с.
28. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусского языка. Т. 2. СПб., М. : Изд-е книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881. 807 с.
29. Имена на карте Тихого океана. [Электронный ресурс] : http://shturman-tof.ru/Bibl/Bibl_4/Bibl_4_4.htm
30. Камчатка XVII–XX вв. Историко-географический атлас / под ред. Н. Д. Жданова и Б. П. Полевого. М. : Федеральная служба геодезии и картографии России, 1997. 112 с. (С. 77. План взят из Атласа северо-западных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриэнтс и островов Алеутских с присовокуплением некоторых мест северо-восточного берега Азии. Составил капитан 1-го ранга Тебенков. СПб. 1852).
31. *Крашенинников С. П.* Описание Земли Камчатки. Т. 1. СПб., : Наука ; Петропавловск-Камчатский : Камчат, 1994. 438 с.
32. *Меновицков Г. А.* Алеутско-русский словарь. Л., 1967. 76 с.
33. *Пасенюк Л. М.* В одиночку на о. Беринга, или Робинзоны и мореходы. М. : Мысль, 1981. 144 с.
34. *Пасенюк Л. М.* Командоры мои и твои. М. : Молодая гвардия, 1989. 256 с.
35. *Патканов С.* О приросте инородческого населения Сибири // Записки Императорского Русского Географического общества по отделению статистики. Т. XI. Вып. I. СПб., 1911.
36. *Пекарский П. П.* Архивные разыскания об изображении несуществующего ныне животного *Rhytina borealis* // Записки Императорской Академии Наук. Т. 15. Пр. 1. СПб. : Типогр. Императорской Академии Наук, 1869. С. 1–33.
37. *Пекарский П. П.* Рапорт Петра Яковлева // Там же. Т. 10. Кн. 2. СПб. : Типогр. Императорской Академии Наук, 1867. С. 183–186.
38. РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 200. Плоская карта части о-ва Беринга 1827. Сочинение лейтенанта Завалишина.
39. РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 222. Карта северо-западной части о-ва Беринга. 1896 г.
40. Там же. Д. 247. План гавани и бухты при о. Медном. Сочинена во время плавания на боте Сивуче мореходом Ингестромом. 1830 г.
41. Там же. Оп. 7. Д. 1602. Карта Командорских о-вов. 1895. С карты 1883 по промеру кр. «Забияка» и тр. «Якут» в 1893 г.
42. Там же. Д. 1603. Командорские о-ва. 1914 г.

43. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 262. Л. 40. Отчет по командировке в 1893 г. на Командорские острова причисленного к Департаменту торговли и мануфактур Министерства финансов Константина Савича.
44. *Редько Б. А.* Алеуты Командорских островов // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 5. Хабаровск ; Владивосток : Общ-во «Книжное Дело», 1927. С. 69–112.
45. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова / под ред. Р. Г. Ляпуновой и С. Г. Федоровой. Л. : Наука, 1979. 280 с.
46. Русско-Японская война 1904–1905 гг. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.japanrussia.ru/russko-aronskaa-voina-otdelinii-otrad-kreiserov-zakrito-kreiser-i-ranga-34gyrik34-2.html>
47. *Санько Г.* На острове Беринга // Тихоокеанская звезда. 1935. № 277. 2 дек.
48. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. 3. Вып. 1. Иркутск : Типогр. Н. П. Сеницына, 1882.
49. Северная энциклопедия. М. : Европейские издания; Северные Просторы, 2004. 1200 с.
50. *Спаский Г. И.* Описание острова Медного // Сибирский вестник. 1822. № 18. С. 281–290.
51. *Стеллер Г. В.* Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741–1742 / под ред. А. К. Станюковича. М. : Изд-во ПАН, 1995. 224 с.
52. *Суворов Е. К.* Командорские острова и пушной промысел на них. СПб. : Г.У.З. и З. Департамент Земледелия, типогр. В. Ф. Киришбаума, 1912. 324 с.
53. *Татаренкова Н. А.* Алеутский район: история административного устройства и геральдической символики // Люди великого долга. Материалы XXVI Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2009. С. 232–248.
54. *Татаренкова Н. А.* Ранние топонимы Командорских островов второй половины XVIII века // «О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся...» : матер. XXVIII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 199–204.
55. *Татаренкова Н. А.* Ранний этап деятельности миссионера Иакова Нецветова // Пятые Международные Исторические и Свято-Иннокентьевские чтения : матер. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 64–71.
56. *Хабаров В. П.* Котиковое хозяйство на Командорских островах. Л. : Ленинград. отд. учеб.-педагог. изд-ва Наркомпроса РСФСР по заказу Ленинградского педагогического института народов Севера, 1941. 71 с.
57. *Черский А. И.* Командорский песец // Материалы по изучению рыболовства и пушного промысла на Дальнем Востоке. 1919. Вып. 1. Токио : М. З. Управление Рыбными и Морскими Зверинными Промыслами Д. В., типогр. Японо-Русского Клуба, № 4, 1920. С. 60–107.

А. М. Токранов ОДИН ИЗ ОРГАНИЗАТОРОВ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ РЫБОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Среди плеяды организаторов отечественных рыбохозяйственных исследований в дальневосточных морях России особое место, несомненно, занимает известный российский ученый-ихтиолог, доктор биологических наук, профессор Петр Алексеевич Моисеев, 100-летие которого отмечается в мае 2013 г. Его вклад в изучение и промысловое освоение рыбных ресурсов различных морей и океанов трудно переоценить. Недаром один из коллег П. А. Моисеева в своей памятной статье назвал этого ученого главой отечественных рыбопромысловых исследований в Мировом океане в XX в. (1).

П. А. Моисеев родился 20 мая 1913 г. в Киеве в семье служащих. В 1918 г. пятилетним ребенком вместе с родителями переехал на Дальний Восток, где жил в небольшом пос. Седанка под Владивостоком. Проявляя с раннего возраста склонность к изучению живой природы, в 1927–1929 гг. занимался в кружке юных краеведов при Владивостокском отделе Государственного географического общества под руководством таких известных ученых, как В. К. Арсеньев и Г. У. Линдберг (2). После окончания средней школы сначала работал лаборантом в кабинете биологии Дальрыбтехникума (1929–1930 гг.), а затем поступил учиться на рыболовно-биологический факультет Дальрыбвтуза. В 1931 г. П. А. Моисеев прошел шестимесячную практику под руководством выдающегося ученого, профессора К. М. Дерюгина, работая в качестве гидролога на шхуне «Росинантэ» в Японском море (3, 4). Эта экспедиция оказала огромное влияние на формирование Петра Алексеевича как морского биолога. В 1933 г. он окончил в Дальрыбвтузе теоретический курс, а дипломный проект защитил в Мосрыбвтузе, получив в 1935 г. диплом рыбоведа-биолога.

Свою научную деятельность П. А. Моисеев начал в Тихоокеанском научно-исследователь-